

© С. П. Гудкова,
© С. А. Дубровская

ПУШКИН: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ*

В последние десятилетия расширение проблемного поля истории русской литературы XVIII—XIX столетий происходит в разных направлениях (от традиционной работы по выявлению и публикации ранее неизвестных архивных материалов до реконструкции авторских концептосфер, мифопоэтических систем и т. п.). Новая монография А. И. Иванецкого посвящена одной из проблем, пользующихся особым вниманием современной пушкинистики, — особенностям литературного поведения поэта и связанному с ним мифологическому пространству творчества.

Как отмечает во введении автор, «Пушкин явил в своей поэзии всю парадигму „вольного“ (эпикурейского) поведения дворянина — в качестве сознательно обретаемого либо воображаемого личного опыта. Это „веселый пир“ и „наука страсти нежной“, игра и „странствие“, „тревога пламенного боя“ и „лоно скучного покоя“ либо „блаженное безделье“ в деревне и т. д. При этом сознание своей дворянской идентичности у Пушкина с годами возрастало» (с. 9).

Следует подчеркнуть, что литературовед не претендует на то, чтобы быть первопроходцем в исследовании заявленного научного сюжета, — напротив, он осознанно акцентирует свою связь с отечественной пушкинистикой 1920—1950-х годов (Д. Д. Благой, Г. А. Гуковский, Л. В. Пумпянский, А. Л. Слонимский, Б. В. Томашевский), пушкиноведением 1960—1990-х (С. Г. Бочаров, Ю. М. Лотман, В. Д. Сквозников и др.). Таким образом, в книге идет диалог с конкретной традицией, органично вписывающийся в контекст исследовательских поисков недавнего времени (А. А. Кретов, И. В. Немировский, О. А. Проскурин, А. А. Фаустов, И. С. Юхнова и др.) именно в сфере литературного и культурного поведения А. С. Пушкина.

Автор прослеживает движение от поведенческой модели поэта как одной из составляющих его «литературного быта» (Ю. Н. Тынянов) к поэтическому поведению как форме реализации историко-литературного мифа. При этом Иванецкий занят не столько выявлением жизнетворческих установок своего героя (в духе популярного сегодня «жизнестроения»), сколько описанием тех биографических точек, на которых происходит формирование круга поэтических текстов

и рождающихся в них пушкинских мифов.

Последняя задача определяет структуру рецензируемой монографии и во многом объясняет «дробность» ее глав. Справедливое замечание Иванецкого о множественности представленных в поэзии Пушкина моделей и одновременности их сосуществования на различных этапах его творчества неизбежно требует строгости и даже схематичности как исследовательского принципа. Это видно уже по введению к книге, отмеченному нечасто встречающейся в предисловиях детализацией. Таким образом обозначены основные контуры предлагаемого читателю исследования: восприятие «поэзии как поведения», а «поведения как поэзии» реализуется через объявление пушкинского аристократизма центральным пунктом его идеологической, литературной и культурно-эстетической «программы», включающей в себя ориентацию на Петра I и Екатерину II, переживание поэтом исторической весомости собственной родословной, специфичность его взаимоотношений с «Арзамасом» и др. Не менее важна здесь и авторская установка на широкое использование историко-литературного контекста, оценку пушкинского поведения на фоне «поведенческих аналогий», с творчеством предшественников и современников от В. П. Петрова и Г. Р. Державина до К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и др.

Подобный подход к прочтению поэзии Пушкина определяет логику исследования в целом. Семантизация поведенческих мотивов пушкинской лирики начинается с обоснования мысли о формировании в Лицее «героического гедонизма» поэта, который перебрасывает мостик к «веку минувшему» и в то же время становится одной из форм противостояния современности. Иванецкий показывает, как заданные Лицеем поведенческие доминанты пушкинской лирики — эрос, пир (воскрешающий дух минувших битв) и воспевающая их поэзия — модифицируются в каждый последующий период (Петербург, Южная ссылка), обуславливая ряд ключевых оппозиций пушкинской лирики: отказ от войны и ее воспевания — жажда войны, уединение — братский союз, упоение любовью — разочарование в любви, пренебрежение славой — тщеславие, отказ от взросления — карьерные планы.

Переломным в судьбе лирического героя автор монографии правомерно считает 1823 год — время создания элегии «Телега

* Иванецкий А. И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: Изд-во РГГУ, 2016. 263 с.

жизни». Здесь задаются принципиально новые топоры и соответствующие линии поведения: во-первых, жизнь начинает пониматься как необратимое движение по России, оканчивающееся возвращением к «родному очагу» и «отеческим гробам», во-вторых, выявляется зависимость мироощущения поэта от возраста.

Своего рода кульминации научный сюжет достигает в главе, посвященной роману «Евгений Онегин». Его герой, по убеждению исследователя, дает Пушкину необходимую призму для «осмысления своего поведения как бытия» (с. 138).

Вошедшая в качестве приложения глава о природной морфологии поведения пушкинского лирического героя подкрепляет общие выводы о пушкинской поэзии как о «самом масштабном социокультурном обобщении русского дворянского бытия Нового Времени» (с. 184).

Анализируемый в монографии материал чрезвычайно обширен, хотя тема такова, что отдельные произведения неизбежно остаются за пределами авторского внимания. Очевидно,

книга выиграла бы, обратись автор к «Графу Нулину» и особенно к «Дому в Коломне» в связи с анализом «Евгения Онегина», к стихотворению «Румяный критик мой...», поскольку присутствующие в этих текстах поведенческие модели могут служить ярчайшими примерами пересечения литературного мифа, реальной жизни и творчества. При вполне убедительном анализе пушкинской комедии с явной «карнавальностью» ее сюжетов и произведений, особенно ранних, огорчает отсутствие отсылок к соответствующим наблюдениям М. М. Бахтина.¹ Однако нет сомнений, что новая монография Иванникова вносит заметный вклад в пушкинистику, а предложенная в ней исследовательская модель может быть обращена и на поэтическое поведение других авторов, причем не только Золотого века отечественной словесности.

¹ См.: Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 80—129.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-251-252

© А. А. Холиков

МАРКСИСТЫ БЕЗ РЕТУШИ (ИСТОРИЯ — МЕТОДОЛОГИЯ — МИРОВОЗЗРЕНИЕ)*

Отечественная марксистская критика включает деятельность не менее семидесяти авторов, перу которых принадлежит более полутора тысяч статей. В XX веке она испытала на себе одно из проявлений собственного подхода к литературным феноменам — *исследовательский редукционизм*. В советское время из поля зрения выпали те ее пласты, которые не совпали с ленинской позицией, а после распада СССР вся она была фактически девальвирована. Но наука о литературе в своем академическом самоосмыслении не терпит лакун. И вслед за Г. Карпи, который последовательно реконструировал общую историю русского марксизма (его книга годом раньше вышла в том же издательстве, что и рецензируемая монография), М. В. Михайлова детально воссоздает панораму марксистской критики рубежа XIX—XX веков, уделяя пристальное внимание «забытым» именам (И. Аксельрод, М. В. Морозов, В. М. Шулятиков) и отдавая должное предшественникам, преодолевавшим в ее изучении рамки официальных схем (Л. А. Иезуитова, В. А. Кел-

дыш, Б. С. Мейлах, П. А. Николаев). К сожалению, в работе не упомянута диссертация М. Окутюрье «Теоретические проблемы марксистской литературной критики от зарождения до 1932 года» (1980). Для западного читателя это не менее фундаментальный труд, чем рассматриваемая нами книга, претекстом которой тоже выступает диссертационное исследование ее автора.

Тем не менее по библиографической оснащенности работа Михайловой обладает непревзойденной эвристической ценностью. В список литературы вошли тексты по марксизму общего характера, труды по философии, теории, истории литературы и литературной критике (с разграничением на дореволюционный и послереволюционный периоды; по такому же принципу разведены статьи, рецензии и заметки о работах критиков-марксистов), а также литературно-критические публикации марксистов, продолжением которых служит впервые составленная библиография дореволюционных выступлений Н. Чужака и М. В. Морозова в периодических изданиях. Многие использованные источники вводятся в научный оборот впервые по архивам Дома Плеханова, М. Горького, РАН, МГУ, ИРЛИ, РГАЛИ, РГБ, РНБ и др.

* Михайлова М. В. Марксисты без будущего. Марксизм и русская литературная критика (1890—1910-е гг.). М.: Common place, 2017. 662 с.